

СОДЕРЖАНИЕ

I.	9
II.	61
III.	163
IV.	365
Благодарности	374

Посвящается неизвестным

Расскажи мне историю

I

Давай отправимся на Альфу Календа

У Альмы некогда была подруга-писательница, которая в течение многих лет до своей относительно ранней смерти постоянно говорила об одной истории, которую ей очень хотелось написать.

За тридцать с лишним лет их дружбы подруга Альмы стала довольно известной, ее приглашали на важные интервью, она завоевывала крупные премии и получала всевозможные награды. По одному из ее романов сняли фильм с участием знаменитых актеров, чьи имена были знакомы даже Альме, которая не слишком жаловала голливудское кино. Однако ее подруга не признавала эти достижения существенными. Делом своей жизни она считала эту историю, которая не терпела спешки.

История завладела ею. Подруга могла без остановки рассказывать о персонажах, у каждого из которых были имя и биография. Часто они заставляли ее отправляться в тот или иной уголок мира: на старое кладбище в Швеции, в рыбацкую деревушку в Либерии, на острова Южной

Каролины, где она даже купила дом и некоторое время жила. У этих персонажей были секреты, к которым она прислушивалась, и в одних местах голоса их доносились до нее лучше, чем в других. Но рано или поздно связь обрывалась, и наступало время перебираться куда-нибудь еще.

Потеряв счет многочисленным адресам подруги, Альма стала заносить их в записную книжку карандашом. «Даты настоящая странствующая сказительница», — как-то сказала ей Альма. Подруге-писательнице понравилось это выражение, и с тех пор она использовала его в интервью и на чтениях, настаивая, что она не писательница и не романистка, а странствующая сказительница.

Альма была совсем не уверена, что подруга идет на пользу такой кочевой образ жизни. Писатель должен быть заземлен, иначе сила — та же, которая через зеленый фитиль питает цветок, — испепелит его. Но вместо того, чтобы указать на это, Альма держала свои опасения при себе, превознося подругу за то, что та беззаботна, словно полевые лилии. Ее подруга была вспыльчивой и оцетинивалась при малейшем намеке на критику.

Однажды — Альма, присутствовавшая на чтениях, слышала это своими ушами — некая женщина во время сессии вопросов и ответов отметила, что иногда диалоги в ее романах трудны для понимания. Беспокоится ли когда-нибудь писательница о своей аудитории? Подруга Альмы одарила женщину одним из своих убийственных взглядов. «Я пишу не для белых», — напрямик заявила она. Люди,

за исключением Тони Моррисон¹, тогда еще не говорили таких вещей.

Одним из главных героев ненаписанной истории был симпатичный белый парень из Швеции (отсюда и поездка в Швецию?), моряк с жилистыми руками, похожими на такелаж корабля. Кристиан, чье имя со временем менялось — Кристофер, Андерс, Нильс, — влюбляется в Клио, попавшую в рабство главную героиню, имя которой не менялось на протяжении многих лет, когда подруга рассказывала о книге.

Иногда Альма задавалась вопросом, не подружилась ли с ней писательница отчасти для того, чтобы побольше узнать о белых людях. Если так, Альма была не лучшим выбором: она не была на сто процентов белой, если таковые вообще существуют. Ее семья была родом с острова, где, как гласит народная поговорка, у каждого есть немного черноты за ушами. Даже бледнолицые члены клана ее матери, утверждавшие, что их предки прибыли в Америку на «Нинье», «Пинте» или «Санта-Марии»², время от времени порождали темное семя, в чем обвиняли предков своих супругов. Семья ее отца не могла скрыть свою смешанную расовую принадлежность: темнокожая родоначальница носила французскую фамилию Роше, что указывало на гаи-

¹ Тони Моррисон (1931–2019) — американская писательница, способствовавшая популяризации афро-американской литературы. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Корабли, входившие в состав флотилии, на которой Христофор Колумб открыл Америку.

тянское происхождение, — вероятно, некий рабовладелец попользовался своей собственностью.

И все же, по каким бы причинам ни сложилась эта дружба, Альма была польщена. Ей редко доводилось чувствовать себя избранной. Как будто капризный малыш, ревевший при приближении других, улыбнулся и протянул к ней ручонки. Подруги часто разговаривали по телефону и обменивались длинными содержательными письмами. После того как Альма переехала в Вермонт, где устроилась преподавателем, писательница каждое лето приезжала к ней на поезде. Перед одним таким визитом Альма попросила Люка, своего тогдашнего парня, посадить несколько подсолнухов, зная, что ее подруга к ним равнодушна. Вместо того чтобы посадить пару-тройку, тот засеял целое пастбище позади дома — небывалый урожай желтых солнышек.

Альма вывела подругу на заднюю веранду и торжественно взмахнула рукой: «Твой приветственный букет!»

Та долго качала головой от восхищения.

— Это ты сделала?

Альма отдала должное тому, кто это заслужил.

— Непусти его, слышишь? — властно сказала ей подруга.

Помимо таланта к садоводству, у Люка были классные татуировки. Ее подруга весь день зарисовывала их в своем блокноте. «Они идеально подходят моему Кристиану», — сказала она.

Но для того, чтобы любовь росла, одного таланта к садоводству недостаточно. Несколько месяцев спустя Альма

узнала, что Люк сеет свои дикие семена на других полях. Когда она рассталась с ним, подруга на нее разозлилась.

С годами Альма начала нервничать перед каждым визитом писательницы. Ее подруга рассорилась с большинством своих друзей, а также с семьей. Она стала недоверчивой, все более склонной к паранойе. За ней следили. За ней охотились федералы. Сестра клянчила у нее деньги. Подруга забрала у издателя все свои книги, рассказывала о бурных сценах. Альма начала задаваться вопросом, когда же наступит ее собственное изгнание.

Разумеется, у ее подруги были основания для опасений. Ее обхаживали самые разные люди, чьи мотивы всегда были в той или иной мере связаны с увлеченностью знаменитостями, которую она считала недугом культуры. «Никогда не забывай, что мы всего лишь литературные фаворитки месяца или, самое большее, года», — часто наставляла подруга Альму. Все больше и больше издательств покупалось огромными конгломератами, которые также занимались ископаемым топливом, сухими завтраками и фармацевтическими препаратами. Как и у всех остальных их активов, у их авторов был срок годности.

Альма слушала, но еще не была готова пренебречь славой и богатством. Для ее подруги это было легко, ведь она уже добилась успеха. «Вот погоди — и увидишь», — твердила она Альме. Но Альма не хотела ждать. Они были ровесницами, и Альма все еще с трудом сводила концы с концами. Ее подруга проявляла исключительное великодушие: приглашала Альму в качестве помощницы

на конференции, где выступала с основным докладом, представляла ее как одну из своих любимых писательниц, советовала Альме, куда отправлять произведения и кому доверять — список последних был очень коротким и становился все короче.

Наконец творчество Альмы начало обретать популярность, но это привело к непредвиденным последствиям. Ее мать возмутилась «ложью» дочери и пригрозила подать в суд, если та не прекратит выпускать свои постыдные рассказы, порочащие имя семьи (непослушные девочки занимаются сексом, употребляют алкоголь). Она собиралась отречься от Альмы и написать собственную версию событий. Поскольку маме с ней не разговаривала, эти ультиматумы передавались Альме через ее сестер.

Альма была в отчаянии. Как могла родная мать пойти против нее? Даже матери закоренелых преступников и те говорили: «Он серийный убийца, но он мой ребенок».

— Ну так смени имя, — посоветовала ей подруга-писательница. — Ты все время говоришь о «Тысяче и одной ночи». Отныне ты можешь быть Шахерезадой.

— Никто не сможет правильно это написать, — отметила Альма.

— Их проблема. Ты ведь не для них пишешь, верно? Кто такие «они»? Альма не спросила, опасаясь получить выволочку.

— Итак, решено, — сказала подруга, игнорируя нежелание Альмы. Будучи всего на два месяца старше, она помыкала Альмой больше, чем Ампаро, старшая из трех ее сестер.

На конференции, где ее подруга выступала с основным докладом, Альма случайно услышала, как одна известная писательница охарактеризовала ее подругу как «трудную штучку». Альма могла бы пропустить мимо ушей этот комментарий, типичный для таких конференций, участники и сотрудники которых накачивались алкоголем, чтобы выдержать накал страстей и амбиций, но Альма болезненно реагировала на эту фразу. И Люк, и, до него, Филип, бывший муж Альмы, говорили то же самое о ней. Эта идиома всегда звучала странно. Разве все хоть скольконибудь стоящее не требует труда?

Смысл многих подобных выражений до сих пор ускользал от нее. Она знала их словарное значение, но у нее не возникало того чувства прозрения, которое появлялось, когда до нее доходила суть слова или идиомы. Возможно, поскольку английский не был ее родным языком, его корневая система недостаточно глубоко проникла в ее душу, — тревожная мысль для писательницы.

Разумеется, Альма знала, что это выражение не является комплиментом, особенно когда его употребляет мужчина по отношению к женщине, к которой он теряет интерес. Конец близок. Ее подруга никогда не встречалась с Филипом, но ей было что сказать о мужчинах в целом, и обычно ее мнение оказывалось нелестным. Именно поэтому Альма удивилась, когда подруга посоветовала ей не упустить подсолнечного парня.

Со своей стороны, ее подруга никогда не упоминала ни о каких страстных привязанностях. Однако однажды

она оставила на автоответчике Альмы сообщение. Она была в Париже, помолвлена и собиралась замуж. К тому времени обеим женщинам было за сорок и они были одиноки. «Я хочу, чтобы ты стала моей свидетельницей. Скоро пришлю подробности». Обещанных подробностей так и не поступило. На их следующей встрече (на очередной конференции, на которой уже они обе были основными докладчицами — карьера Альмы шла в гору) ее подруга ни разу не упомянула о женихе.

— Значит, ты просто тайком вышла за этого парня? — спросила Альма.

— За какого парня?

Альма напомнила о сообщении, которое та оставила на ее автоответчике несколько месяцев назад.

— Очередной проходимец, — отмахнулась подруга. А как же обручальное кольцо на ее левой руке?

— Всего лишь защитная мера, — ответила подруга. Защита от чего? Об этом Альма тоже не спросила.

Ее подруга, похоже, относилась к своей жизни как к черновикам романа. Этот сюжет не работает? Ладно, не проблема. Уберем брак, изменим последовательность событий и посмотрим, что получится. Какая-то пугающая путаница между искусством и жизнью.

На следующей встрече подруга загнала ее в угол:

— Пообещаешь мне кое-что?

— Смотря что, — ответила Альма шутливым тоном, который не понравился ее подруге.

— Это серьезно. Если со мной что-то случится, обещаю, что расскажешь историю Клио.

Альма заартачилась.

— Не могу. Я не сумела бы сделать это как следует, — добавила она, чтобы смягчить свой отказ комплиментом.

— Конечно, можешь. Ты годами слушала, как я рассказываю о Клио.

— Одно дело — услышать историю, другое — записать ее. К тому же нельзя рассказывать историю другого человека. (Как будто Альма не делала этого постоянно в собственном творчестве.) И ничего с тобой не случится, — заверила она подругу.

— Видимо, ты не слышала новость о том, что никто из нас не выберется отсюда живым.

— Ха-ха, — произнесла Альма, которой было слишком не по себе, чтобы искренне рассмеяться. В любой момент ее подруга могла сорваться с катушек и утащить Альму за собой.

Альма начала отстраняться, боясь близости, которая всегда была такой необычной, тревожащей. Она медлила несколько дней, прежде чем ответить на письма или звонки. Тем летом приглашения в Вермонт не последовало. Прежде всего, у нее не было парня с соблазнительными татуировками и загородным участком. Да и сама Альма была в разездах. После серии публикаций она получила постоянную должность в университете и купила «стартовое жилье», как выразился риелтор, хотя Альма рассчитывала, что из этого скромного коттеджа ее вынесут ногами вперед.

«Он крошечный», — заметила Альма подруге, не уточнив, есть ли там комната для гостей. Большую часть лета она проведет в отъезде; куда и на какой срок уедет, она также не уточнила.

Альма была в аэропорту и готовилась к вылету в Доминиканскую Республику, на остров, который она до сих пор называла своим домом. Ее родители, достигнув преклонного возраста, вернулись на родину, и настала очередь Альмы на время сменить Ампаро, которая переехала туда, чтобы за ними ухаживать. Стоя у выхода на посадку в ожидании задержанного рейса, Альма услышала, как в сумочке зазвонил телефон. На экране высветилось имя ее подруги. Альма сомневалась, стоит ли брать трубку. Ей не нужны были дополнительные проблемы, ведь впереди ее ожидал целый месяц тягостного ухода за стариками. Но Альма редко могла отказать своей подруге. Вскоре ей предстояло провести больше месяца в другой стране, так что подруга вряд ли смогла бы запросто объявиться у нее на пороге.

Ее подруга, не поздоровавшись с Альмой, сразу же с жаром пустилась в рассказ. Она была заперта в учреждении — нет, не в тюрьме, но с тем же успехом могло бы быть и так, — в психушке где-то в городе. Ее родственник получил доверенность на основании того, что она якобы представляет опасность для самой себя. Ложь, сплошная ложь! «Ты должна вытащить меня отсюда». Это была не столько просьба, сколько приказ.

Альма колебалась, думая обо всех причинах, по которым она это предвидела. Признаки были налицо: за два-

дцать с лишним лет работы над этим романом персонажи заставили ее подругу объездить весь свет, а Альма терпеливо выслушивала ее несвязные подозрения о злодейских заговорах, направленных на то, чтобы заставить ее замолчать.

Пришло время занять твердую позицию. Альма сформулировала отказ так, чтобы не обидеть подругу. Если она выздоровеет, то, возможно, разродится долгожданным романом.

— Мы обе знаем, что не станем свободны, пока не запишем свои истории, — напомнила Альма подруге. Она привела цитату, которую часто использовала, чтобы подбодрить своих студентов, переживавших творческий кризис: «Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас»¹.

На другом конце провода воцарилось напряженное молчание.

— Это из Библии, — добавила Альма, зная, что ее подруга некогда была свидетельницей Иеговы и до сих пор оставалась достаточно верующей, чтобы не любить, когда празднуют ее день рождения. А потом сказала то, что могла бы сказать мать дочери или женщина — своему возлюбленному: — Сделай это ради меня. Мне нужно, чтобы ты написала эту историю. И нет, я не могу сделать это за тебя, никто не может.

¹ Евангелие от Фомы.

— Ясно. — Голос ее подруги стал ледяным. — Они и до тебя добрались. А я-то думала, ты меня не предашь.

Альма защищалась:

— Это потому, что мне не все равно. Я люблю тебя!

Наступила тишина. Альма так и не узнала, слышала ли ее подруга эти последние слова. Затем экран погас.

Она пыталась перезвонить, но подруга не брала трубку. Альма не оставляла попыток неделями, месяцами. Автоответчик ее подруги был не настроен, старый городской номер — отключен. Альма не знала, к кому обратиться. Она никогда не встречалась ни с кем из родственников своей подруги. Ей удалось связаться с ее бывшим агентом, и та призналась, что обеспокоена психозом своего автора. Альма впервые услышала о диагнозе.

Альма не стала вдаваться в подробности их последнего разговора. Она сказала себе, что должна защищать достоинство своей подруги, ее частную жизнь. Но больше всего Альме было стыдно за свое бездействие. Не за то, что она отказалась вызволить подругу из психиатрической больницы, а за то, что молчала все эти годы, когда подозревала, что ее подруга нездорова. В католической школе монахини называли это грехом недеяния.

В течение нескольких лет Альма держалась начеку. Она набирала имя подруги в поисковиках. Не было ни новых романов, ни чтений, ни лекций. Ее подруга исчезла. Как будто Альма придумала ее вместе с другими персонажами своих книг.

Конец не стал неожиданностью. Альму известила бывший агент.

По официальной информации, у ее подруги случился обширный инфаркт. Высказывались различные предположения о том, что его вызвало: слишком высокая доза того или иного препарата, прием несовместимых лекарств, перенапряжение, которое нанесло непоправимый вред ее сосудам. Но Альма не верила ни в одно из этих объяснений. Ее подругу убил роман, который она не могла ни написать, ни отложить.

Альма поклялась себе, что, когда придет время, она не допустит, чтобы с ней случилось то же самое, да и представлялось это маловероятным. Она быстрыми темпами шла к успеху — по книге раз в два года, статьи, выступления. Казалось, подруга передала ей эстафету славы.

Шли годы. Началась великая смертельная миграция.

Каждый месяц Альме звонили, чтобы сообщить о смерти такого-то дяди, такой-то тети или старшей кузины. Затем настал черед ее родителей. Сначала признаки деменции стали проявляться у мамы. Как ни странно, стирание воспоминаний выявило ее лучшие качества. Впервые на памяти дочерей их мать-дракон была нежной и ласковой и похлопывала себя по коленям, чтобы дочери сели, поцеловали ее и вместе попели песенки, хлопая в ладоши. Альма наконец поняла то, о чем не догадалась за все годы писательства. Ее мать тоже нуждалась в матери.

Когда она умирала, четыре ее дочери по очереди баюкали ее, как своего ребенка.

Папи был безутешен. Каждый день он спрашивал: «¿У Мамі?»¹ — и каждый день получал новый удар, услышав, что она умерла. Сестры гадали, впал ли он тоже в маразм или это его обычная отрешенность. Он был отстраненным много лет, в этом не было ничего нового. Но после смерти жены папи, казалось, погрузился в еще более глубокое молчание. Он вообще перестал разговаривать, за исключением редких выплесков, во время которых его невозможно было остановить, как будто у него было только два режима, «Вкл.» и «Выкл.». В такие моменты он декламировал длинные отрывки из Данте, Рубена Дарио, Сервантеса и рассказывал одни и те же случаи из своей жизни одними и теми же словами, будто законсервированные. Все они были безопасно отредактированными, и Альма не могла пробиться через эту защиту.

После смерти мамы Ампаро вызвалась остаться и ухаживать за папи. Однако она никогда не отличалась склонностью к экономии. Ампаро не была сторонницей ведения бюджета, которое приравнивала к скарденности, и вместо этого тратила сбережения родителей. Подцепляла мужчин, покупала им роскошные подарки, дорогие одеколоны и одежду, мотоцикл, стиральную машину для матери одного мужчины. Велась на каждую душещипательную историю: моя сестра умирает от рака, моему брату нужен

¹ Где мамі? — Здесь и далее перевод с испанского языка, если не указано иное.

протез, у его детей нет книжек и тетрадок. У нее было золотое сердце, но золото, которое она раздавала направо и налево, принадлежало не ей.

«Что же нам делать с Ампаро?» — перепевали младшие сестры мелодию из «Звуков музыки». Какое неподходящее имя — Ампаро значит «защита». Серьезно? ¡Por favor!¹

Ампаро пришла в ярость из-за того, что сестры не оценили ее самопожертвования, когда она посвятила свою жизнь уходу за отцом. «Думаете, вы справитесь лучше? Валяйте!» Она улетела на Кубу со своим новым парнем. На Кубу?! С каким еще новым парнем? Ампаро держала рот на замке. Иногда она бывала такой же уклончивой, как папи.

Теперь забота о папи легла на плечи трех младших сестер, которые жили в Штатах. Следовательно, самым практичным решением было перевезти отца к одной из них или в близлежащее учреждение. Да, они пообещали обоим родителям, что никогда не привезут их обратно и не поместят в дом престарелых, но что бы от этого изменилось? Половину времени папи даже не понимал, где находится. Что плохого в безобидном притворстве? «Мы отправляемся на Альфу Календа», — говорили они ему, собирая вещи, выставляя дом на продажу и садясь на рейс авиакомпании Jet Blue до аэропорта Кеннеди. Казалось, он успокаивался при одном только упоминании этого воображаемого места, которое в детстве придумал со своей матерью. Дочери прозвали Альфу Календа его личным Шангри-ла-ла-лендом.

¹ Здесь: Я вас умоляю!

Будучи второй по старшинству, следующей в очереди на звание «почетного сына», заботу о папи взяла на себя Альма. Хотя сестры и осуждали патриархат в Доминиканской Республике, их умами все же владела идея первородства и наследования. Альма твердо намеревалась оставить папи у себя, но этот план вскоре оказался несостоятельным. Ее маленький коттедж с узкими дверными проемами и крутыми лестницами не подходил для людей с ограниченной подвижностью. Ее отец не был крупным мужчиной, но весил вдвое больше нее и к тому же был мертвым грузом. Альма ни за что не смогла бы управляться с ним в одиночку. В сельской местности, где она жила, круглосуточный уход стоил дорого, и его было трудно найти. «Сансет-мэнор» находился менее чем в пяти минутах езды. Там было полно пожилых вермонтцев, в основном женщин, которые не знали, что и думать об этом загорелом иностранце, индейце из табачной лавки¹, оказавшемся среди них. Доктор Мануэль Круз стал любимцем сиделок: он выглядел необычно, всегда в панаме, галантно целовал им руки и делал комплименты. Женщины наслаждались его обходительностью и баловали его двойными порциями десерта. Уровень сахара в его крови зашкаливал.

— Тебе здесь нравится, да, папи? — то и дело спрашивала Альма, пытаясь унять чувство вины.

¹ В прошлом у входа в табачные лавки традиционно размещали резные фигуры индейцев.

Тот хмуро смотрел на нее. Понял ли он, что дочери его обманули? Может, он просто пытался сообразить, кто она. Ампаро? Консуэло? Пьедад? Он всегда так делал, когда они были детьми: перебирал их имена, пока не останавливался на нужной дочери. Это их обижало. Теперь он добавлял к списку новые имена. Мами? (Имел ли он в виду их мать или свою?) Белен? (Сестра, на которую Альма якобы была похожа.) Татика?

— Папи, кто такая Татика?

Папи качал головой, но его глаза блестели от воспоминаний.

— Ну же, Бабинчи, — уговаривала Альма, называя его детским прозвищем. — Ты ведь знаешь, что можешь рассказать мне что угодно? — Она нежно гладила его ладонь.

Папи в ответ похлопывал ее по руке — было ли это лаской или он пытался подавить ее вопросы? Такие моменты просветления были редкостью. Альма не сдавалась. «Bendición»¹, — приветствовала она его по старинке, как он их научил. Она говорила об Альфе Календа так, словно сама там бывала. Эти трюки почти всегда его будоражили. «Татика», — несколько раз попытала удачу она: это имя, казалось, тоже приводило его в волнение.

— Кто-нибудь из вас знает, кто такая Татика? — спросила Альма у своих сестер. — Папи постоянно о ней упоминает.

¹ «Благословение». Слово использовалось в качестве уважительного обращения к старшим членам семьи.

— Наверное, кто-то с Альфы Календа, — предположила Пьедад. Под Альфой Календа сестры подразумевали всю биографию своего отца, которая не интересовала особо никого из них, кроме Альмы.

— К черту Альфу Календа. У папи, наверное, был роман на стороне. — Воображение Консуэло, распаленное теле-сериалами, частенько заводило ее слишком далеко.

Ампаро, вернувшаяся в Штаты после того, как парень бросил ее на Кубе, вскипела. Значит, теперь, когда отец неспособен себя защитить, они намерены очернять его домыслами? И, к их сведению, Татика — это прозвище Девы Марии Альтаграсии, покровительницы Доминиканы. Это имя очень распространенное. В честь нее называют каждую тринадцатую доминиканскую девушку. В кампо¹ Альтаграсия — первое или второе имя более восьмидесяти процентов женщин определенного поколения. Папи всего лишь взывал к Деве Марии.

— Ну да, как же! — фыркнула Консуэло.

Среди их родственников была только одна Альтаграсия (вот тебе и статистика Ампаро) — их бабушка по материнской линии, которую папи недолго любил. Та отвечала ему взаимностью. Абуэла² Амелия Альтаграсия никогда не одобряла ничтожество, до брака с которым снизошла ее красивая, своевольная дочь. Папи ни за что не стал бы взывать к своей злосчастной suegra³. К тому же абуэла

¹ Кампо — деревня.

² Abuela — бабушка.

³ теще.

никогда не позволяла называть себя Татикой. Она настаивала на полных регалиях своего имени. Донья Амелия Альтаграсия. «Это означает “высшая благодать”», — хвасталась она интересующимся американцам, как будто это имя было титулом, пожалованным королевской властью, каковой не было на острове.

Итак, кто же была эта Татика?

Мами, вероятно, не знала, иначе сказала бы. От ее мозга к языку вел прямой канал связи. Но если мамы была открытой книгой, то папи даже не было в библиотеке. Он держался замкнуто, особенно после того, как они приехали в эту страну. Если он что-то и рассказывал, то всегда обиняками, посредством истории Бабинчи, который вырос при двух «диктаторах» (своем суровом отце и жестоким правителе Рафаэле Трухильо по прозвищу Эль Хефе), присоединился к революционному движению, в молодости сбежал в Нуэва-Йорк, а затем в Канаду, где ему пришлось заново три года отучиться на врача, продавая свою кровь, чтобы заплатить за обучение...

— Так Бабинчи — это ты, папи? — постоянно спрашивала Альма. — Все это на самом деле случилось с тобой?

Отец одаривал ее лукавой улыбкой. Мануэль Круз, он же Бабинчи, отмалчивался.

Он умер во сне, забрав свои истории с собой.

После смерти папи Альма потерянно бралась то за один литературный проект, то за другой, бросая каждый из них, когда ее начинала тянуть за рукав очередная история. Впе-

реди у нее оставалось недостаточно лет, чтобы рассказать все истории, которые она хотела рассказать.

Однажды ночью ей явилась во сне подруга-писательница, похудевшая, почти прозрачная. Ее голос был тихим, как шепот, прикосновение — легким, как дуновение ветерка. «Мне следовало быть умнее, — сказала она. — Некоторые истории не желают быть рассказанными. Отпусти их».

«Но я не могу», — всхлинула Альма. Сила воли никогда не помогала ей справиться с навязчивыми идеями.

«Тогда сожги их, похорони, да что угодно».

Альма проснулась в своем маленьком домике в Вермонте, полная решимости отпустить прошлое, включая чувство вины и стыда из-за своей подруги. Пришло время привести в порядок дела, разложить по коробкам все старые черновики и папки. Скатертью дорожка — эта идиома была понятна ей нутром. Скоро она вступит на территорию старости — ладно, не в самую старость, но в ее преддверие, что бы там ни писали в журналах о том, будто семьдесят — это новые пятьдесят.

Она уведомила кафедру, что по окончании весеннего семестра уйдет на пенсию. После четырех с лишним десятилетий, проведенных в аудитории, там было слишком много дежавю. Разве я не говорила всего этого раньше? Разве двадцать лет назад я не учила вас, где ставить эту запятую? Старые методички, шутки, байки, вдохновляющие цитаты наскучили если не ее студентам, то ей самой.

На прощальном собрании преподавателей ее коллеги произнесли хвалебные речи, послушав которые Альма

сама себе показалась вымышленным персонажем. Гениальная, общительная, горячо любимая? Правда? Разве они не помнили нелестные отзывы недовольных студентов и их родителей, которые возражали против того, чтобы «мексиканка» (доминиканка, неужели они не могли хотя бы разобраться в своих предрассудках?) преподавала английский их сыну — сыну, схлопотавшему тройку по предмету Альмы, что, несомненно, и было той самой искрой, которая разожгла родительский огонь. После собрания Альма заглянула к себе в кабинет, чтобы забрать оставшиеся папки и увесистые тома «Нортоновской антологии», и увидела, что один из университетских уборщиков соскребает с двери ее имя. Она невольно рассмеялась. *Sic transit gloria mundi*¹.

— Что-что? — переспросил он.

В этом завершении была какая-то правильность, хотя и вызывающая тревогу. Альме труднее было смириться с тем, что старение происходит и в творческой жизни. Возможно, не для Йейтса², продлевавшего молодость с помощью обезьяньих желез. А также не для Милоша³ и Куница⁴ (любопытно, что все они были мужчинами, по крайней мере те, кого Альма могла назвать), которые творили

¹ Так проходит слава мирская (лат.).

² Уильям Йейтс (1865–1939) — писатель, поэт, драматург; лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года.

³ Чеслав Милош (1911–2004) — поэт, переводчик, эссеист; лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 года.

⁴ Стэнли Куниц (1905–2006) — поэт, критик, редактор; лауреат Пулитцеровской премии 1959 года.

до глубокой старости. Критики любят писать о позднем стиле, что обычно является эвфемизмом, означающим судорожное цепляние за то, что прошло. Возможно, сияние славы, к которой теперь примешивалась ностальгия, поддержало бы фанатский огонь, но Альма не нуждалась ни в чьем снисхождении и жалости. Пришло время перестать корить себя за то, что она не в состоянии ничего закончить. Она пыталась сохранить литературную версию привлекательной внешности с помощью пластических операций, выполняемых умелыми агентами и редакторами, которые омолаживают одрябшее творчество, но каждый работник знает, что в конце рабочего дня нужно отложить свои инструменты. Даже этот грандиозный нарцисс Просперо¹.

Но что он сделал, когда отрекся от своей грубой магии? Каким стал мир без его башен в шапках облаков? Как справлялся Йейтс, застрявший на барахолке собственного сердца? Возможно, тогда-то он и подписался на лечение обезьяньими железами.

Казалось, подруга-писательница передала Альме еще одну эстафету, на этот раз эстафету разочарования. Возможно, мамой была права: «предательства» Альмы — то, что она присвоила истории о своей familia² и родине, чтобы попотчевать ими публику из стран «первого мира», — ей еще аукнутся.

¹ Просперо — персонаж пьесы Уильяма Шекспира «Буря».

² семье.

Тем не менее Альма не собиралась отказываться от своего ремесла — оно держало ее на плаву все эти годы. Когда-то она откликнулась на это призвание, пусть и не совсем с открытыми глазами: кто бы на что-либо решился, если бы знал, что его ждет впереди? СМИ, как выражались ее студенты: определенно слишком много информации. Она полностью отдалась тому, что любила, с уверенностью, позаимствованной у наставников и муз, таких как ее подруга-писательница, редакторы и агенты, которые говорили ей, что у нее талант складывать слова. Мать Альмы называла это «язык без костей». Теперь пришло время заткнуться.

Проблема заключалась в том, что писательский импульс все еще бился у нее внутри. И, если она не реализует его, умертвит ли он ее так же, как умертвил ее подругу? Не то чтобы у нее был выбор. Но одно решение она могла принять сама: после десятилетий, потраченных на придание ладной формы судьбам персонажей, Альма хотела удовлетворительным образом завершить историю своей собственной писательской жизни.

Она стала подумывать о возвращении на остров. После стольких лет она все еще считала его домом. В молодости Альма и ее сестры часто говорили о «дорогой Доминикане» как о своего рода стоп-кране, вроде тех, которые они видели в метро, будучи новоиспеченными иммигрантками в Нуэва-Йорке. Если все остальное — их браки, карьеры, медикаментозное спокойствие — потерпит крах, они всегда могут вернуться. Возможно, пришло время катапультиро-

ваться. Закончив там же, где начинала, она придаст своей жизни приятную симметрию.

Много лет назад, когда ей было чуть за двадцать, она написала стихотворение (черновик хранился в одной из ее многочисленных коробок с незавершенными работами), которое заканчивалось строкой: «Только пустая рука может держать». С тех пор она жила по принципу «хватай все, что видишь», принимая блеск за золото, хотя, само собой, понимала, что к чему. Теперь же Альма собиралась последовать собственному совету. Она откажется от писательства и простоит с пустыми руками так долго, как только сможет, пропуская страхи и волнения сквозь себя, что не так-то легко для нее, чье ремесло настолько укоренилось, что, не занимаясь им, она чувствовала, будто уже исчезла.

Альма наняла бывшую студентку, чтобы та помогла ей рассортировать бессчетные коробки с черновиками. Софи взглянула на те, что были помечены надписью «Бьенвенида».

— Это означает «добро пожаловать», верно? Я изучаю испанский, — добавила она, словно делала Альме комплимент.

— ¡Qué bueno!¹ — ответила Альма. — И да, именно это означает слово *bienvenida*. — Но в данном случае Бьенвенида — имя главной героини в романе, над которым она работала много лет, чей образ основан на исторической

¹ Как здорово!

личности, одной из жен безжалостного диктатора Доминиканской Республики, родины Альмы. — Слышала когда-нибудь о Трухильо?

— Кажется, нет.

Большинству североамериканцев ее маленькая половина острова не была известна ничем, кроме потрясающих пляжей и экспортируемых бейсболистов. К тому же Южная Америка изобиловала диктатурами. Диктаторы так похожи друг на друга. Но Трухильо, он же Эль Хефе, был одним из самых жестоких. Тридцать один год у власти.

— Это дольше, чем я живу, — отметила Софи. Для молодежи таково мерило всех вещей. — Значит, это правдивая история и вы ее не выдумали?

Этот вопрос часто задавали читатели. Альма устала объяснять, что романист не должен подчиняться тирании того, что произошло на самом деле. Сама она не всегда могла отделить так называемые нити реальной жизни от чистого вымысла. Собственная жизнь Альмы и отдельные ее части случились так давно, что она задавалась вопросом, не выдумала ли она их. Жизнь ее отца, описанная в его письмах как жизнь Бабинчи, полная чудесных спасений от тайной полиции, иногда казалась более причудливой, чем мир его детских фантазий. «Давай отправимся на Альфу Календа», — говорил он, прежде чем начать рассказ. Место, которое существовало только в его голове, а теперь и в ее, где оно зашло в тупик.

— Какая разница? — ответила Альма вопросом на вопрос. — Истории не подчиняются логике бинарных оп-